

Прихожая Л.И. ©

Кандидат филологических наук, доцент кафедры исторического языкознания,
зарубежной филологии и документоведения,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта

НАУЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К АВТОРСКИМ ПЕРЕВОДАМ ВЕРСИЙ РОМАНА «ГИПЕРИОН»: «ТАЛИЯ-ФРАГМЕНТ», МЕТРИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ

Аннотация

Рассматриваются версии романа Ф. Гёльдерлина «Гиперион»: «Талия-фрагмент», метрический вариант с целью изучения истории создания романа. Доказывается гипотеза о том, что все версии романа представляют собой долгий авторский поиск содержания, характеров, формы будущего произведения. Практическое применение статьи автор видит в том, что она может быть использована как при чтении лекций в ВУЗах, так и при изучении творческого наследия Ф. Гёльдерлина.

Ключевые слова: Гёльдерлин, Талия-фрагмент, метрический вариант, композиция, эпистолярная форма.

Keywords: Hölderlin, Thalia-fragment, metric version, composition, epistolary form.

Над своим романом Гёльдерлин работал в течение семи лет, с 1792 по 1799 год. За этот период времени поэт создал несколько вариантов романа, как в прозе, так и в стихотворной форме. Некоторые версии романа проработаны автором настолько, что могут рассматриваться как самостоятельные художественные произведения. Как, например, «Талия-фрагмент», получивший своё название от шиллеровского журнала «Новая Талия», в котором он был впервые опубликован в 1794 году. Немецкий исследователь творчества Ф. Гёльдерлина Ф. Цинкернагель справедливо заметил о «Талия-фрагменте»: «мы имеем дело здесь не с фрагментом, в собственном значении этого слова, а с завершённым целым, целью которого являлось - быть опубликованным» [1, 67].

«Талия-фрагмент» - *моноперспективное* эпистолярное произведение, состоящее только из писем Гипериона к Беллармину. Эпистолярная форма фрагмента условна. Собственно, это описания настроений и некоторых событий с нечастым обращением к адресату – Беллармину. О нём мы почти ничего не знаем, кроме того, что Гиперион повстречал его в своём путешествии, когда стремился «найти правду по другую сторону моря» [2, 610]. Беллармин в «Талия-фрагменте», по-видимому, итальянец. «Много лет прошло с тех пор; весны сменяли друг друга; не раз прекрасные картины природы, драгоценные реликвии *твоей Италии*, сотворённые небесной фантазией, радовали мой взгляд...» (Курсив мой-Л.И.) [2, 593].

События фрагмента «Талия» охвачены *пятью письмами*. Но уже в первом письме почти полностью и завершено излагается основная вереница событий. Автор писем, грек нового времени Гиперион, вынужден покинуть свою родину после горьких душевных юношеских переживаний, чтобы найти философскую «правду» по ту сторону моря. Это путешествие не принесло странствующему желаемого: «Я повсюду находил слова, облака, но не было Юноны» [2, 590]. Разочаровавшись в любви и в философских истинах, привитых герою в детстве, Гиперион возвращается на родину – в Ионию и излагает в письмах прожитую жизнь. История главного героя пересказывается в особом повествовательном времени. В письмах Гипериона речь идёт о прошлом. Переживания настоящего составляют своеобразную рамку к этому повествованию о прошлом. Как и в романе, во фрагменте при помощи особого повествовательного времени главный герой осмысливает своё прошлое.

Гиперион говорит о прошедших днях, тем не менее, его рассказ отличается взволнованным тоном: «Доброй ночи Беллармин, доброй ночи! Завтра я буду повествовать спокойнее» [2, 593].

Форма в письмах дала Гёльдерлину возможность направить речь на живое *Ты* и создать ситуацию настоящего разговора, при этом не нужно было сокращать собственное эмоциональное присутствие.

Далеко идущее значение фрагмента «Талия» состоит в том, что он *представляет основные темы романа*. Сразу же, в начале первого письма, берет слово «жаждущая душа». Она говорит о неудавшейся попытке погасить эту жажду путём исследования философской истины. «Бедность нашего бытия» объясняется из отдельных вещей; целью жизни называется покой или утверждение мира детства. Затем изображаются попытки достичь этой цели путём братания людей, но они оказываются напрасны. «Я был слепой ребёнок. Жемчуг хотел я купить у нищих, которые были беднее меня; так бедны, так погружены в свою нищету, что не знали, как они бедны» [2, 590]. Причина такой разобщённости между людьми непонятна герою, она составляет тайну для него: «... я почти решил отказаться от этого отважного любопытства. Но я не могу, я не должен! Она должна выйти наружу, эта великая тайна, принесёт ли мне это жизнь или смерть» [2, 611]. Осознание господствующей в мире всеобщей разобщённости привело Гипериона к разочарованию такой силы, что в истории литературы его состояние, наряду с состояниями героев Шатобриана и Байрона, получило определённое название – «мировая скорбь». По мнению исследователей, такое же разочарование, с каким мы встречаемся на страницах романа, переживал и сам писатель. ««Фрагмент» свидетельствует о крайне трагических переживаниях поэта. Там говорится об огромном разочаровании, постигшем героя, о неопишуемой безнадежности, охватившей его и парализовавшей все его силы, так что он даже начал думать о неизбежной гибели» [3, 38].

На наш взгляд, неудовлетворённость главного героя во фрагменте имеет автобиографический оттенок. Гёльдерлина часто осуждали за чрезмерную эмоциональность, когда он делился тем, что у него на душе. Поэт пишет об этом так: «Правду сказать, во мне ещё сохранилась какая-то частица детства, особенность моего тогдашнего сердца, пожалуй, и поныне самая мне милая – его восковая мягкость, вот почему на меня иной раз находит хандра, и я из-за всего способен заплакать. Но с тех пор, как я в монастыре, именно эта частица моего сердца стала предметом злейших глумлений. Даже весёлый добряк Бильфингер и тот может просто-напросто обозвать меня дураком, когда я позволяю себе немного помечтать вслух» [4, 433]. Так пишет Гёльдерлин в письме Иммануилу Насту в январе 1787 года.

Так же и Гиперион во фрагменте страдает от непонимания окружающих. Спасение приходит в девичьем облике, в виде Мелиты, предшественницы Диотимы. «...Прелестная и святая как жрица любви стояла она передо мной; как сотканная из аромата и света, такая божественная и нежная;...» [2, 592].

Мелита становится спасительницей почти в религиозном смысле; она сакраментальный человек, «спасающий от смерти» через пробуждение любви. Пору его любви сопровождает весна, с разочарованием приходит осень. Разочарование в возлюбленной было неизбежно, ведь во фрагменте он не находит понимания даже в ней.

Мелита не устаёт повторять, что Гиперион должен изменится, стать спокойнее: «Со слезами просила она меня, наконец, познать благородную, более сильную сторону моего существа... которая есть у всех, и во мне тоже...» [2, 605].

Мелита порождает только сомнения у Гипериона. «Ты должен стать другим, - закричала она более горячо, чем обычно. Я погрузился в сомнения. Я почувствовал, какой я маленький... я искал утешения своему Ничто...» [2, 601]. Гиперион убежал в лес, только там он смог вернуться к спокойствию: «... и вой шакалов, который раздавался по обе стороны от меня, подействовал на мою потрясённую душу положительно» [2, 602]. Успокоившись, Гиперион произнёс слова: «И она тоже! И она!» [2, 602]. Разочарование, переживаемое

главным героем, вызвано чувством одиночества. Не выдержала испытания его концепция любви как основы мировой гармонии.

Когда Мелита безвозвратно исчезает, в качестве великой «замены» предлагается покинутому любовь к *природе*. «...я гляжу то в небесный эфир, то вниз, в священное море, и мне чудится: отворяются ворота в Невидимое и я исчезаю со всем, что есть вокруг меня; но тут вдруг шорох в кустах пробуждает меня от блаженной смерти и против моей воли вновь призывает меня на то место, откуда я пришёл» [2, 610].

После публикации фрагмента «Талия» Гёльдерлин в результате напряжённой работы с ноября 1794 по январь 1795 года создал так называемый **метрический вариант** «Гипериона». Нигде эта версия по содержанию не соприкасается с фрагментом «Талия», и лишь мотив «путешествия» прослеживается в обоих вариантах.

В нашем исследовании мы стремимся не рассматривать различные версии романа как результат влияния великих людей того времени -- писателей, философов -- на Гёльдерлина. И все же вынуждены здесь назвать имя человека, находящегося в определённой «связи» с метрическим фрагментом «Гипериона», так как расхождение Гёльдерлина с определёнными сторонами учения Фихте, без сомнения, зарегистрировано в метрическом «Гиперионе». В Йене Гёльдерлина захватила личность Фихте. «...Фихте ныне стал душой Йены. И, слава богу, что он. Не знаю никого другого, равного ему по глубине и мощи ума ...» [4, 469].

Восхищение, которое вызвал у Гёльдерлина этот величественный человек, на определённое время предотвратило конфликт, грозивший разразиться. Мы имеем в виду конфликт между радикальной автономией разума Фихте, для которого «я» началось с внедрением собственного «я», к чему подключалось как добровольное самоограничение этого «я» внедрение отрицания «я» – природы, - с одной стороны, и отношением Гёльдерлина к природе: его детской верой в природу как наполнитель жизни, из которой это «я» и стало существовать, - с другой. Природа для Фихте «сырая и дикая», ничего не живёт в ней собственным достоинством и значением, и она имеет ценность только как предмет человеческой обработки. «Действовать! действовать! - вот для чего мы существуем» [5, 64]. Гёльдерлин не мог принять философскую систему Фихте, пытавшегося лишить природу ее объективной реальности, которая была для Гёльдерлина живым воплощением единства, гармонии и красоты.

Философия Фихте оставила след в мышлении и языке Гёльдерлина. Но насколько враждебно он воспринял недооценку природы у Фихте, становится очевидным в метрическом фрагменте «Гипериона». Метрический «Гиперион» возник особым образом. Гёльдерлин писал на листах, согнутых посередине; слева - в прозе, с правой стороны -- в стихотворной форме, используя пятистопный ямб.

В метрической версии Гёльдерлин не присваивает своим героям имён. Здесь два персонажа: *путешественник* и «*мудрый муж*». Факт отсутствия имён у персонажей в метрической версии, с одной стороны, расширяет горизонты аналитических выводов, с другой - приводит к некоторой путанице. Мы будем исходить из того, что оба персонажа и «путешественник», и «мудрый муж» - это сам *Гёльдерлин до* и *после* его освобождения от влияния Фихте. В преодолении этого влияния Гёльдерлина помог Шиллер (установленный факт). Для нас *путешественник* – это Гёльдерлин, разочарованный в философских идеях Фихте, на помощь которому приходит «*мудрый муж*», в чьём образе мы усматриваем Гёльдерлина, синтезировавшего идеи Шиллера.

Стихотворный вариант – это, условно говоря, беседа двух людей, представляющих два различных миропонимания, но в отрывке излагаются преимущественно мысли одного из них, а именно - «мудрого мужа». Можно сказать, стихотворный вариант представляет собой *монолог* «мудрого мужа», который является изложением системы взглядов самого Гёльдерлина и составляет основное содержание стихотворного фрагмента.

Итак, метрический вариант вводит читателя в природовраждебное положение духа, сформированное под влиянием Фихте: тирания духа против природы, неверие и неблагодарность перед ее дарами, борьба против неё из желания её подчинения, отклонение

всего детского, отход от Гомера и его божественного мира. Все это воплотил автор в образе путешественника. Гёльдерлин, изображает его таким, каким он мог бы стать сам в результате отказа от собственных убеждений, под воздействием философии Фихте. Путешественник, усвоив основные положения этой философии, перестал руководствоваться «счастливым инстинктом», как это было с ним в юности, подчинил себя господству духа. Это противопоставило его природе, лишило чувства любви. «Чистый свободный дух, верил я, не может слиться с миром чувств» [6, 612]. Гёльдерлин заставляет отказаться от всего, что было дорого путешественнику. «Непостижимо это было для меня, как мне мог нравиться Гомер. Я путешествовал, и желал одного - путешествовать вечно» (в прозе, слева) [6, 612]. «Однажды кроткий Сын Меонии покорил моё юное сердце, но я порвал также с ним и с его богами» (в метрической версии, справа) [6, 613]. Так рушилась концепция единства природы и человека, и человек обрекал себя на одиночество. «Я гордо высвободился из оболочки, которою облакает нас природа, создавая нас, при помощи которой материал подчиняет себя духу; я хотел приручать и принуждать. Я судил с недоверием и суровостью себя и других» [6, 613].

В таком положении путешественник встречает мудрого человека, снова указывающего через своё мудрое учение на путь к почётному возрождению природы. Своеобразен облик «мудрого мужа». Одновременно это образ и мудреца, и воспитателя, а речь его носит характер проповеди. Чистый дух должен сохранить высшую степень измерения других вещей и формирования природы. Борьба с природой не должна восприниматься как безусловная борьба против неё. Следует знать, что она сама нам помогает. Природа не враждует с духом, и то, что их обоих связывает, проявляется в красоте - в этом состоит понятие *красоты* по Шиллеру, к которому тяготел Гёльдерлин, чтобы спасти укоренившееся чувство любви к природе в противовес Фихте. Гёльдерлин вкладывает в уста мудреца указания Шиллера о том, что прекрасную природу следует почитать как символический язык идеальной жизни.

Несмотря на значительное отступление Гёльдерлина от первоначального замысла романа и его первоначальной формы - в письмах, он сохраняет найденный в «Талия-Фрагменте» принцип композиции. В *стихотворном фрагменте* «мудрый муж» так же как и Гиперион в «Талия-Фрагменте», - человек уже переживший «свою историю» и приобретший опыт. В момент повествования «мудрым мужем» его системы взглядов *настоящему* противопоставляется его *прошлое*. Путешественник в метрическом варианте, так же как Гиперион в «Талия - Фрагменте», фигура, воплощающая в себе разочарование. Но если в «Талия-Фрагменте» разочарование преодолевается Гиперионом посредством его переписки с Беллармином, то в метрической версии разочарованному герою противостоит «мудрый муж», фигура цельная, верная своим убеждениям.

Стихотворная обработка «Гипериона» не была использована автором в окончательной редакции романа, но в ней запечатлён значительный этап духовного развития поэта, когда он решал для себя философскую проблему взаимоотношения субъекта и объекта. Она связана у Гёльдерлина с вопросом о «нравственном достоинстве» человека.

Литература

1. Zinkernagel F. Die Entwicklungsgeschichte von Hölderlins Hyperion. Strassburg, 1907.
2. Hölderlin F. Das Talia-Fragment // Sämtliche Werke. Leipzig, s.a.
3. Протасова К. С. Творческая история романа «Гиперион» Ф. Гельдерлина // Учёные записки Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина. Зарубежная литература: Сб. ст. Т.99. Вып.4. М., 1960.
4. Гёльдерлин Ф. Сочинения. М.: Худ. лит., 1969.
5. Фихте И. Г. Соч.: В 2 т. СПб., 1993 Т. 2.
6. Hölderlin F. Die metrische Bearbeitung // Sämtliche Werke. Leipzig, s.a.